

Современный человек — существо одинокое. И здесь совсем не об одиночестве духовном, потаённом, которое невозможно до конца хоть кому-нибудь высказать, а об одиноком присутствии человека в мире, в житейском пространстве, в котором, кажется, и знакомые лица, и привычный распорядок часов, минут и забот способны вписать одинокую душу в оком повседневности. Но что-то сломалось в устройстве нашего мира, и гнетущая, непреодолимая как будто оставленность — людьми, смыслом жизни, самим содержанием происходящего вокруг — терзает сердце нашего современника необъяснимо и постоянно. Здесь можно завести разговор о богооставленности человека нового времени — это будет

именно потому способность окружающего пространства менять себя, принимать какие-то новые удивительные формы, не кажется искусственной, вычурной, похожей на проделки либерального пера, склонного всё серьёзное превращать в пошлое или амикошонское. Мальчишка начинает свято верить в возможность собеседника-незнакомца влиять на происходящее, у него появляется своя тайна, душа устремляется в удивительное и прежде невообразимое. Он почти поднимается над пыльной землёй, забывая о жёстких правилах, принятых однажды и непререкаемых. Он теперь — не один, хотя как сложится его последующая судьба, можно только догадываться. Но здесь важнее — сам случай, прецедент,

укоренённый в земле, по которой ходили его предки. И потому — нравственный изгой, человек, сам себя загнавший в социальную и психологическую ловушку, определивший собственному существованию путь одинокий, самонадеянный и... окаянный. Все злокозненные предприятия Пузынёва рушатся: уходит жена, православная прихожанка, вызванный им ОМОН пролакает в храме, не ведая часов и минут, пребывая в каком-то нездешнем времени. Претерпевает крах план воцариться на малой окрестной местности, предстать вершителем судеб простых смертных — в определённом смысле даже и его подданных, которым и слова в простоте и чести сказать было бы не позволено. В итоге он остаётся в про-

из них, — и даже на удивление очевидным, авторская речь приобретает яркую и естественную выразительность, не теряя притом прозрачности изображаемых картин и состояний.

В рассказе «Свадьба» происходят события почти обыденные — живописуется свадебный пир на современном ладе в деревне. Как будто всё теперь иначе на первозданной крестьянской русской земле: и обычаи позабыты, и хлебосольное гостеприимство стало в какой-то степени выборочным, и песни современные поются так, что с души воротит... Ушла традиция, забылась красота, потеряно значение многих обрядов и правил. Престарелого Ивана Васильевича за праздничный стол не пригласили,

Вячеслав ЛЮТЫЙ

От житейского к духовному

Одинокий русский человек в прозе Игоря Изборцева

логично и обосновано многими вещами, о которых мы часто просто забываем или легкомысленно о них не думаем. Но чувство личной богооставленности в мире приходит к человеку уже после того, как он ощутит себя включённым в некое общее целое, когда, привычно обретаясь в его рутине и вписывая своё присутствие в повседневный жизненный уклад, и станет, и осознает себя некой частью этого единого миропорядка.

Современная русская проза не очень-то погружается в обозначенную тему. Как правило, её более интересует — и, в конечном счёте, это правильно — соразмерность человека его задачам, соединённость с Богом и понимание собственного индивидуального духовного долга, о котором важно помнить в ежедневном течении дня и ночи. Но как быть с мгновениями реальной жизни, в которой так много случайного, печального и радостного — она составляет непрерывный поток, и из него нельзя самовольно «выпрыгнуть», остаётся только соединять себя с ним, принимая одно и отвергая другое. Такое житейское понимание одиночества, которое правильнее назвать одинокостью, сегодня чрезвычайно распространено, его проявления часты и многообразны и нуждаются в художественном внимании и реальном обозначении. Потому что первый шаг в постижении большого и общего заключается в естественной попытке вписать свою жизнь в контекст происходящего с людьми, с их памятью и чувством долга; с их обществом, в котором невидимыми ударами соединены родные и чужие, старики и дети; с эпохой, где всё норвит взаимно разладиться, но сохраняется по великой надмирной милости и смыслу...

Проза Игоря Изборцева (сборник «Сильнее бурь», повести и рассказы) как нельзя лучше подходит для спокойного осмысления так странно сложившегося положения вещей. В его повестях и больших рассказах читатель сталкивается с палитрой стилей. Скажем, один сюжет берёт в качестве «творческого инструмента» постмодернистское смещение событий, логики, картин действительности и даже соразмерности плотных материальных предметов. Погружая читателя в советское мироустройство в «Чудесах болотных», автор, кажется, заламывает заведённый социальный распорядок, принося в происходящее элемент фантазмагии и волшебства, и как будто показывает, что у знакомого мира есть параллельный объёмный отпечаток, где существуют свои законы и пути совмещения привычного и странного. Реальность словно «плывёт» под пером писателя... И читатель, изумлённый таким преобразованием осязаемого и почти стёртого в повседневности, начинает воспринимать прошлое уже не в качестве конструкции, заведомо рациональной и жестко мотивированной, но — как прежний мир, очень важные и подчас фантастические свойства которого были упущены, оставлены без внимания. Существенно, что главный герой повести — подросток, и во многом

тот чудесный рубежный момент, когда мир предстаёт в неожиданном ракурсе, а одинокое существование отменяется решительно и навсегда.

В повести «Всего лишь пепел» центральный герой предлагаемой истории — фигура малоприятная. Это милицкий начальник Пузынёв, возмнивший себя вершителем судеб окружающих его людей и стремящийся переустроить социальное пространство по своему усмотрению. Он изначально одинок — как бывает одинок духовный отщепенец, для которого всё вокруг представляются только

странстве сугубо одиноким: исполняя обязанности простого санитаря в психиатрической лечебнице, Пузынёв старается быть полезным и внимательным, находя в таком служении своеобразный уход от личной пустоты. И получает здесь то, чего ему так не хватало прежде — чувство, что и он кому-то не только нужен, но необходим.

Два персонажа «романа в письмах по e-mail» с названием «Великий» сначала кажутся очень похожими друг на друга. Филологическая игра на фоне деталей биографии Ивана Сергеевича Тургенева сводит обоих в электронную переписку, где выстраиваются предсказуемые параллели с далёким прошлым, возникают подробности чужих биографий. В своих виртуальных посланиях каждый из собеседников хочет хоть в чем-то сопереживать с русским классиком и его героиней, походить на них. Однако писатель-дубль по мере развития этой истории выглядит всё более поддельным, не совпадающим со своим выдающимся литературным образом. Тогда как дубль-героиня, поступательно двигаясь в сторону реальности и принимая людей со всеми их недостатками и достоинствами, кажется, до-воплощается. Уходя от сухой интеллектуальности и вслушиваясь в биение собственного сердца, она обретает плоть и кровь, в ней просыпается доброта и участливость, а сухость ума и сентиментальная фантазия исчезают из переписки окончательно.

Героиня-дубль трагически погибает от хулиганского удара ножом. Дубль-писатель, и ранее не чуравшийся плагиата, готовит к изданию роман в письмах, в котором не забывает представить себя художником основательным и вдохновенным. Но, не дождавшись выхода книги в свет, умирает при неясных обстоятельствах. Главный бенефициар — издательство, предлагающая читательской аудитории названное произведение, оно характеризует автора как фигуру великую...

Что ж, нынешние книжные дома либерального толка склонны каждого лилипута «вытягивать» в Гулливера. Однако важно подчеркнуть мысль, существенную для произведения Игоря Изборцева: фальшивый сочинитель ушёл в смерть как в одинокое и безотрадное путешествие, а героиня, сливаясь со своим классическим прототипом, выбрала мир подлинной жизни — тёплый, отзывчивый и жертвенный.

Стоит заметить, что с уходом персонажей от душевной молекулярности, одинокости зримо изменяется литературное письмо автора. В повести «Всего лишь пепел» сама фактура текста в какой-то степени отсылает читателя к булгаковской фантазмагии. В «Великом» рафинированный стиль высказывания начитанных собеседников постепенно становится более прозрачным и этически определённым. По мере удаления литературных героев Изборцева от житейской пропасти и приближения к чаемому единению с чем-то большим, чем каждый

Геннадий ИВАНОВ

Когда собрался писать о книжке стихов Алексея Полуботы, то решил немного обыграть его фара...

миллио. Мол, поэт родился на Севере, книжка эта вся о Севере — о белых ночах, о морях... А у него даже в фамилии морское слово *болт*. На всякий случай набрал в поисковике это слово и очень удивился, что выскакивают прежде всего объяснения про другой бот, про другие боты, совсем не морские, не романтические, а из нынешнего цифрового мира — как сокращение от слова «робот». Вот так.

И всё-таки были, были когда-то морские и речные боты, ботики... Ходили они и под парусом, и без паруса. Был и «ботик Петра» — дедушка русского флота. Да и сейчас, мне кажется, это слово живёт на наших неопыдных побережьях. Как живёт и поэзия на этих побережьях. На Северах.

Алексей по рождению и юности мурманчанин. И эту книжку свою он составил как книгу о родине — о Севере, об Арктике.

Много есть пронзительных цитат о Родине, начиная с есенинского совета поэтам: «Ищите Родину, иначе всё собаке под хвост». Убедительно. Но мне очень нравятся слова глубочайшего мыслителя Алексея Фёдоровича По-

уже название этой новой книги Андрея Шацкого звучит знаково: «На этой земле»...

Тут заложены — счастье и крест, мёд и кнут, ощущение прикуса неба, когда речь идёт о возможностях души, и конкретика слепого бездорожья, известная всякому ибо:

На Сретенье — лужи,
на Пасху — пурга.
То степи, то чащи лесные.
Что скажешь ты?

«Россия — и вся недолга!
Леса непролазны, круты берега».
Что сделаешь, это Россия.
Здесь нет колыбелей...

Канают пращи
Каменья судеб бедовых.
Здесь в битвах

не прычут за спины мечи.
И здесь не дают на разкие палачи
Отступникам трибунал целовых.

Туго, как гнёзда, скручивает поэт стихи: ветви ощущений и опыта виртуозно ложатся в них, и наполнение содержания, даже если и отдаёт тяжестью земли, пронизано световой субстанцией...

О, она работает различно — через эстетическое исполнение, через отблески надежды, или — чувством гармонии, которое разливается в читательском сердце при соприкосновении с поэзией Шацкого.

Есть своеобразная праздничная приподнятость речи в поэзии Андрея Шацкого: именно высоты её, данные множественностью необычайных сочетаний слов и всем строем, обращённым к метафизическим небесам, и дают подобное чувство, даже если поётся о тяготах и своеобразных особенностях российской (порой даже — расейской) жизни...

На матовом стекле осенних рос,
На узорче лиственной пороши
Леела печаль: сюда придет мороз
И сущему всему предлет положит.
Как тускло в небе солнце ноябрь!
Как ранит слух сухой осоки скрежет!

Чада, не разгорается заря,
И тьма летит на веси и на вежи.

Пейзаж непасков (хотя я в нём мерцаю: этакое ласковое равнодушие мира), но игра звука, резкие вибрации «з», тонкие приглушённые оттенки «п», словно создают тот оркестровый шатёр, ту особую музыкальность, что отзывается в душе даже и... умиротворением.

Много пейзажей раскрывает Шацков: здесь и зимние зоны близины, и осеннее византийское многоцветье, и перемены

«Воклиц» я тотчас выхватил строки: «Когда вспоминаю отца, всегда чувствую раскаяние. Всякий раз чувствую вину, что слишком мало знаю его жизнь, особенно молодость, слишком мало заботился узнавать его, когда можно было». И так далее. Советую всем прочитать это. Теперь эту страницу я часто читаю наизусть при встречах с молодёжью. В университете зал был полон студентов, и я тоже прочёл».

...Студенты Виктора Ивановича Лихоносова любили.

«В родное сердце» — эссе из 4-го выпуска «Родной Кубани» за 2013 год. Увесистую стопку журналов, по-старомодному перевязанную шпагатом, Лихоносов привёз в Москву, чтобы передать Дмитрию Шеварову. Мы ждали журналиста в Хамовниках, в усадьбе Толстого, но так и не дождался, и тогда Виктор Иванович с шутиливой важностью заявил, что хочет отдать архив «в хорошие руки» — то есть мне...

В тот же вечер (шли дожди, за окнами было темно, тревожно) я читала его строки, посвященные Бунину, и они были такими густыми, насыщенными, что после нескольких абзацев я отложила журнал в сторону, переполненная чувством мятущейся тоски. И вот теперь я снова перелистываю страницы этого выпуска. Есть в художественном слове манящая тайна — давно нет Бунина, нет теперь и Лихоносова, а проза их всё так же трогает сердце, и будто толкает тебя к огромному зеркалу, в которое ты боишься заглянуть — потому что можешь там увидеть себя, без прикрас...

Технологии развиваются стремительно и, как знает, вдруг через несколько лет учёные ухитрятся развязать на «фотонах» свет слова? Разъяснения его воздействие на человека, и даже созда-

Алексей КАЗАНЦЕВ

«И гордых песен жаркое дыханье...»

О книге Юрия Щербакова «Венок Расулу Гамзатову»

К творчеству великого поэта и мудреца Расула Гамзатова в России и далеко за её пределами особое отношение. Во многом это заслуга и его прекрасных переводчиков — Якова Козловского, Наума Гребнева, Владимира Солоухина, Юны Морич, Елены Николаевской и многих других. Именно в их мастерском переложении пришли к русскоязычным читателям произведения выдающегося сына Дагестана. И заниматься новыми переводами стихотворений Гамзатова сегодня отваживаются немногие. Ведь их работа неизбежно будет сравниваться с переложениями классиков этого трудного ремесла. Астраханский поэт Юрий Щербаков решил на это нелёгкое дело. И, как мне кажется, не зря. Его «Венок Расулу Гамзатову» достоин памяти великого аварца!

Юрию Щербакову удалось главное — передать без фальши те сокровенные чувства Расула Гамзатова, которые безоговорочно вошли в сердца миллионов благодарных читателей. Потому что в них — высокий смысл жизни поэта и гражданина.

...О, жизнь моя,
ты мерилшь перегоны,
Как будто поездов... Что там? Не таи.
Путь без возврата? И той вагоны —
Как годы уходящие мои?

...И всё ж напрасны
времени старанья —
Хранят вагоны эти навсегда
О самом главном все воспоминанья:
О той любви,
что светит сквозь года.

Сплетенье губ и рук,
сердце слипные
До зрелой доски останутся во мне
И гордых песен жаркое дыханье,
Которые я люб родной стране.

Не сочтите за лукавство —
повторяю вновь и вновь:
Учреждаю государство
я по имени Любобы!
...И хоть я в делах несведущ,
в государстве будет лад —
Скоро в нём политубежиз,
миллионы захотят!
«Гордых песен жаркое дыханье» доносится к нам и сегодня с заветной скалы Поэта.

Вознесена над миром та скала
Подобно сабле. Посмотрите, люди!
Любовь и песня там — Теорю хвала —
С чоңеуром души чеповчы буют.
Среди самых главных духовных ценностей Расула Гамзатова — и родной аварский язык. Юрий Щербаков мастерски переложил на русский одноименное стихотворение, давно уже ставшее хрестоматийным в переводе Наума Гребнева.

Не будет у меня судьбы иной.
Когда б сказали: «Ты, поэт, живи,
А языку погибнуть позволю!»,
Я сердце бы своё остановил!

Зачем мне эти горы,
мой оплот,
Натянутая эха тетива,
Если окрест она не разнесёт
Аварской песни звонкие слова?
...Не только в шлоках —
каждый час и день
В душе урок аварского идёт.
Родной язык —
он как тугой ремень,
Которым подпоясан мой народ!
Кстати говоря, в переводе Наума Гребнева почему-то отсутствует это образное сравнение, которое носит важный, можно сказать, сакральный смысл. Ведь у аварцев, как и у других народов Кавказа, пояс джигита, на котором хранится его кинжал, — гордый символ чести и достоинства народа!

Кинжал старинный
на моей стене,
В который раз люблюсь я тобою
И думаю: не прихотилось мне
Ни разу обнажать тебя для боя.

Иным оружием —
не тобой, кинжал,
Владеть мой жребий
в жизни уготовил.
Я только пыль всегда с тебя стирал
И никогда не отмыывал от крови...
Да, главное оружие поэта — слово. Самое сильное, самое нужное и самое опасное. Поэтому пользоваться им нужно осторожно и бережно.

Вокруг и так
несчастья, как
Котёл Кавказа всё взорвать готов.
И солнце возвратит
на небо властен
Лишь тот, кто славит
песнею любовь.

Послушайте её, и может станет
Она лекарством, что всею нудней
Для вас, сейчас
блуждающих в тумане,
И для страны измученной мойи.

К концу жизни Расул Гамзатов всё чаще с болью и горечью говорил о происходящем в стране. Но непоколебимо верил, что выход для нас, «блуждающих в тумане», — в беззаветном служении добру, справедливости, любви, которому он был верен до конца.

Злобной силой повергнуты в беды
Нравы, пути, времена.
И над рейхстагом —
Не Знамя Победы...
Клятвам былым — грош цена.

Но не моим! Верен стягу святому —
Знамени вечной любви.
На эту верность свет отчего дома —
Он меня благословил!

Свет отчего дома, тепло его очага, сила родного языка — вот истоки могучего таланта человека, столетие которого мы скоро отметим. А ещё — любовь ненаглядной спутницы жизни Патимат, которой он посвятил столько трепетных строк.

На руке твоей пальцы целую,
По числу континентов их пять.
И за каждый из них
твердь земную
Я готов, не колеблясь, отдать...

Лишь на склоне
жизнею века,
По-иному былое цена,
Понял я, что мой дом —
это Мекка
И Кремлёвский дворец для меня.

Лишь для того приходит
в мир рассвет,
Чтоб нежно поздороваться
с тобой.
Важней у ночи назначены нет,
Чем охранять твой сон
и твой покой...

Свет глаз твоих
похищен был луной
И звёздами.
Как их прекрасен рой!
Твоей улыбки солнце рождено —
Неповторимой,
жаркой, золотой.

В наш дом дороги не найдя,
да сгинут все напасти!
Да заблудится им
под солнцем и луной!
Я каждым вечером тебужу:
нет женщины прекрасней!

Но утром ты
ещё прекрасней всё равно!
Юрий Щербаков перевёл не только стихи Расула Гамзатова, но и стихи поэтов разных народов, посвящённые великому аварцу.

Хурен Алагийн-Хангайсайхан, перевод с монгольского:
Он с молодости мне напоминал
Высоким остроумием кинжал!
Заполнен стихотворцами весь свет,
Но лишь один из множества — Поэт!
Он в Дагестане солнечном рождён
Для всех народов и для всех времён!

Валери Тургай, перевод с чувашского:
Расула голос берегут,
Как драгоценность, горы тут.
И журавлей заветных след
Не тает в небе много лет.

Михаил Иванов — Чуона Мэхэлэл, перевод с якутского:
Память о героях святая
В каждом уголке земли.
Имя ей —
Расул Гамзатов
И поэта
«Журавли».

В «Венок Расулу Гамзатову» вплели свои цветы также белорусские, калмыцкие, таджикские, аварские, ногайские, табасаранские поэты.

Одну мечту с собою унесу,
Чтоб вспомнил путник
о моей строке
И у плыти могильной: «Наш Расул!»
Сказал бы на аварском языке!
«Наш Расул!» — говорят сегодня не только земляки великого аварского поэта. Так, по праву духовного с ним рода, говорят люди разных национальностей, которых объединяет в единый народ великое русское слово. «Венок Расулу Гамзатову» — тому поруку.

Юрий ЩЕРБАКОВ